МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Ул. Кирова, 26/б Телефон 96-69
Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
от 6 МАЯ 1940 Газета №
Москва

ГЕНИАЛЬНЫЙ КОМПОЗИТОР

Памятные встречи

Известный русский композитор А. К. Лядов как-то заметил, что знакомство с Чайковским было для всех настоящим праздником.

Мне довелось познакомиться с Петром Ильичем в период высшего расцвета его славы. И это знакомство сыграло огромную роль в моей жизни.

В 1890 году директор Петербургской консерватории Антон Рубинштейн направил учеников теоретического отделения к Чайковскому с просьбой, чтобы он выслушал их школьные сочинения и определил их дальнейший путь. В числе учеников был и я. С волнением вошли мы в квартиру брата композитора, где жил Чайковский. Однако после первых же ласковых слов Петра Ильича от нашего смущения не осталось и следа. Особенно ласков Чайковский был с теми из нас, кто, по его мнению, должен был продолжать учебу не на творческом, а на теоретическом отделении. Он искал особенно мягких, но убедительных слов, когда должен был произнести свой приговор, определяющий судьбу студентов.

...Вспоминается также концерт в день юбилея Антона Григорьевича Рубинштейна. Исполнялась кантата Чайковского, написанная им специально к этому юбилею. На маленьких программках концерта было напечатано: «Кантата бывшего ученика А. Г. Рубинштейна — П. И. Чайковского».

Дирижировал сам автор. Я пел в консерваторском хоре. Навсегда запомнился Чайковский за дирижерским пультом. Необычайно мягкий и застенчивый, он дирижировал с веселой, я бы сказал, слегка шаловливой улыбкой. Жесты его были закругленные, в них не было типичной дирижерской целеустремленности и резкости. И все же он отлично управлял оркестром и хором.

В третий раз я встретился с Чайковским также в рабочей, концертной обстановке. В 1892 году впервые исполнялась сюита из балета «Щелкунчик». Незадолго до этого Петр Ильич привез из Парижа новый для русских музыкантов инструмент — челесту.

Клавиатура челесты напоминает фортепианную. Может быть поэтому меня, как владеющего роялем, направили из консерватории исполнять партию челесты. Под руководством Петра Ильича я быстро освоился с этим несложным инструментом и играл соло в концерте, где исполнялась сюита из балета «Щелкунчик».

В память о концерте Чайковский подарил мне свою фотографию с теплой надписью. Я храню ее, как самую дорогую для меня реликвию.

Скоро будет 50 лет, как я стою за дирижерским пультом. Первое произведение, которым я дирижировал, принадлежало перу Чайковского. Нет такой оперы, симфонии, сюиты, концерта для оркестра у Чайковского, которых я не исполнял бы по многу раз. Но и теперь, когда я открываю любую партитуру великого композитора, я нахожу в ней новые красоты, вновь восхищаюсь высотой полета его гениальной мысли, поражаюсь его страстной взволнованностью, любуюсь его великолепным мастерством.

Л. ШТЕЙНБЕРГ,
народный артист Союза ССР.

ВСЕОБЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ

Трудно назвать имя другого композитора, который был бы так понятен, близок и любим в нашей стране, как творец лучших образцов оперного и симфонического искусства П. И. Чайковский.

Музыку великого композитора одинаково ценят самые различные категории слушателей. Юные школьники, молодые красноармейцы, работники физического труда, седые профессора — все с одинаковым волнением слушают арии в операх Чайковского, так полно и ярко выражающие чувства и переживания героев, следят за сложными, но вместе с тем простыми и доходчивыми симфоническими произведениями композитора.

Музыкальные образы, созданные Чайковским, настолько ярки, настолько велика сила их эмоционального воздействия, что трудно оставаться спокойным.

В Советской стране, в стране победившего социализма, имя Чайковского окружено всеобщим признанием и любовью.

Красноармеец С. РЕЗНИКОВ.

Николаев.

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

Спокойно и мягко зазвучал оркестр. Слышится задушевно-простая мелодия русской песни; за ней следует глубокая выразительная тема, рисующая картину суровой природы угрюмого, туманного края. Оркестр исполняет первую симфонию Чайковского...

Чайковский—мой любимый композитор. Я люблю жизнь. Да и почему мне не любить ее, если живется радостно и легко! Чайковский также любил жизнь. Все произведения первого периода его творчества жизнерадостны и светлы. Уныние и тоска, характерные для произведений последнего периода, отражают его жажду счастья.

Наташа ФЕЛЬДМАН,
ученица 9-го класса 91-й школы Краснопресненского района.

Москва.

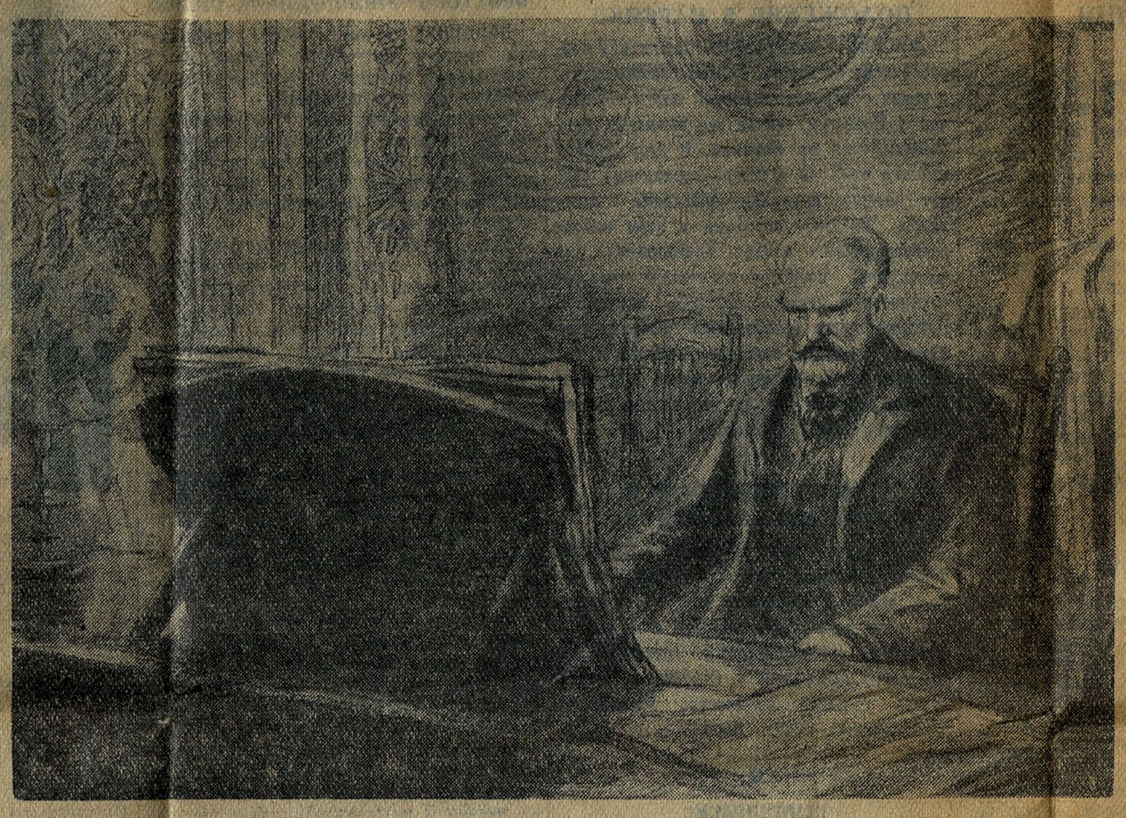

Рис. И. СЕМЕНОВА.

I.

Внимательное знакомство с жизнью Петра Ильича рисует нам облик величайшего труженика, до самозабвения влюбленного в свое искусство; колоссальный творческий подвиг, совершенный Чайковским, его огромная работоспособность, его мучительная жизнь, полная материальных лишений, рабских унижений перед издателями, меценатами, директорами театров и придворными чиновниками, — все это не только не соответствует, а прямо противоречит общепринятым представлениям о типической биографии русского дворянина прошлого столетия.

Уже самый отказ молодого Чайковского от чиновничьей карьеры и светских удовольствий ради напряженной и упорной музыкальной учебы в консерватории был своеобразным вызовом дворянским традициям. Чайковский 60—70-х годов--молодой профессор Московской консерватории, обремененный ненавистными ему уроками, вечно нуждающийся, окруженный такими же нищими и недовольными судьбой московскими музыкантами,—уж очень далек от идеала молодого человека дворянского круга.

Прижимистые купцы-издатели, насаждающие в России нотоиздательское дело, с купеческой беззастенчивостью эксплоатируют талант великого русского музыканта. Издатель Бессель ставит молодого Чайковского в условия отвратительной кабалы. Издатель Юргенсон, наживший большое состояние на изданиях произведений Чайковского, вынуждает композитора всю жизнь обращаться к нему с унизительными просьбами о материальной помощи. Даже пресловутая субсидия, которую получал Чайковский от вдовы миллионера фон-Мекк, была для него красиво обставленной, но весьма неприятной «щедрой подачкой». «Вышла какая-то банальная, глупая штука, от которой мне стыдно и тошно», — признается самолюбивый музыкант, когда снятельная меценатка в оскорбительной для него форме отказывает ему в дальнейшей поддержке. Тягостные противоречия всю жизнь преследуют тонкую, экзальтированную натуру Чайковского. Он искренне влюблен в русскую природу, русскую жизнь, гордится своей национальностью, своим народом и остро ненавидит мерзости старорежимной российской действительности. «До чего жизнь в нашей дорогой России невыносима», — пишет он в одном из писем. Отсюда — вечные скитания композитора, бегство из русских столиц в Италию, Швейцарию, на Украину, в Грузию.

Постоянная внутренняя борьба, вызванная все углубляющимися, вопиющими противоречиями российской пореформенной действительности, — как все это типично для русского интеллигента второй половины XIX столетия, сбитого с толку, выбитого из колеи грозным шествием нового капиталистического порядка. Таков и Чайковский, отразивший в своем мировоззрении и в своем творчестве ощущения многих и многих русских людей, не нашедших еще путей к подлинной правде.

Человек, страстно любящий жизнь, всегда мечтающий о большом всечеловеческом счастье, — Чайковский был раздираем тяжкими, трагическими переживаниями. Чудовищный мир гнета, бесправия, лжи, непреодолимых препятствий, мешающих русским людям правильно жить, принял в сознании Чайковского образ рока, судьбы. Этот образ, как неотвратимая, давящая сила, выступает во всех зрелых сочинениях великого композитора.

II.

Художественные принципы Чайковского могут быть охарактеризованы, как законченное выражение реалистической эстетики. «Мне кажется, что я действительно одарен свойством **правдиво, искренно** и **просто** выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я **реалист** и коренной русский человек», — так сформулировал сам композитор основные признаки своего стиля. Правдивые и живые образы, воплощенные в операх, симфониях и романсах Чайковского, всецело почерпнуты из современной ему действительности и являются типическими образами эпохи.

Разве трогательные в своих чистых любовных устремлениях девичьи образы Чайковского не являются художественно обобщенными портретами русской девушки прошлого века? Чутьем гениального реалиста Чайковский великолепно понимал невозможность здорового и полного осуществления прекрасных порывов человеческого чувства в условиях современной ему действительности. Потому-то так неотвратимо трагична судьба Лизы в «Пиковой даме», Кумы в «Чародейке», Марии в «Мазепе».

Резкий контраст между чистотой и возвышенностью любовного чувства, особенно ярко воплощенного в образах русской девушки (еще пример: Татьяна — любимейший образ Чайковского), и страшной, тупой силой косности, традиции или жестокого «рока», — вот что составляет идейную основу лучших опер Чайковского.

Этот же контраст — между светлыми любовными чаяниями и грубой властью судьбы — воплощен в поэтичнейших оркестровых поэмах Чайковского: «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», «Буря». Кто из посетителей симфонических концертов не очаровывался вдохновенной «темой любви» из «Ромео и Джульетты»— этим пламенным и страстным гимном расцветающему молодому чувству?

Любимые герои Чайковского, представленные в его операх, воспетые в его симфониях и симфонических поэмах, — это собирательные герои целого века, герои, наделенные сильными чувствами и порывами, но обреченные на жестокое поражение. Сколько таких юношей, гордых, горячих, полных неосуществимых стремлений и дерзких планов, было смято, раздавлено, развращено безжалостной властью капиталистического «чистогана»! Одни из них гибли в неравной борьбе за свои высокие идеалы, другие вынуждены были приспосабливаться к волчьим условиям буржуазного карьеризма, ажиотажа, денежного азарта.

Так рождается в литературе XIX столетия длинная вереница молодых людей с «утраченными иллюзиями».

Чайковский, сам испытавший горькое разочарование во всей окружавшей его действительности, с огромной силой воплотил в звуках типический образ человека XIX столетия — человека, разочарованного и надломленного, тщетно борющегося за свое счастье. Уже в IV симфонии этот автобиографический образ получает свое потрясающее по силе драматизма воплощение.

Типичен для своего века и романтизированный облик Ленского — одного из характернейших героев оперной музыки Чайковского. Какая зияющая пропасть лежит между светлыми юношескими надеждами, восторженными порывами Ленского (ариозо «Я люблю вас, Ольга») и мрачной, нелепой гибелью его, вызванной тупой силой традиции (сцена дуэли). Таковы же и герои симфонических поэм Чайковского — Манфред, Гамлет. Великий психолог рассматривает судьбу этих классических героев сквозь призму трагической российской современности. Таким образом и в обобщенных, «абстрактных» образах симфонической музыки Чайковского (тоже — в IV, V, VI симфониях) встает перед нами характер молодого человека той эпохи с его рушащимися мечтами, беспокойными смятениями, тщетными поисками правды в мире лжи и насилия.

Но, может быть, самым сильным, самым пронзительным и самым показательным для эпохи героем Чайковского оказался Герман—величайшее создание оперной музыки XIX века. Герман, опьяненный жаждой богатства, обезумевший от страшного гипноза азартной игры, ставящий на карту все — любовь, честь, дружбу— ради наживы,—разве это не характерный образ капиталистического века?

Чайковский любил и жалел Германа, как близкого и живого человека. «Оказывается, что Герман не был для меня только предлогом писать ту или другую музыку, а все время настоящим живым человеком, притом мне очень симпатичным».

III.

Было бы неверно ограничивать мир образов Чайковского идеей трагической обреченности. Не только гнетущая власть «судьбы», но и всепобеждающая сила человеческой любви, царственная красота природы, животворящая сила народной мудрости вдохновляли поэтическую музу Чайковского. Рядом с трагически обреченными порывами своего времени Чайковский рисовал и обаятельные, светлые образы, радующие полнокровным, солнечным мироощущением. Так, рядом с печальным обликом Татьяны возникла ветреная красавица Ольга, рядом с Германом — веселый гуляка Томский, рядом с трагическими романсами — ясные, жизнеутверждающие («День ли царит», «Благословляю вас, леса»).

Идея радостного, светлого восприятия жизни получила сильнейшее воплощение в последней опере Чайковского «Иоланта», рассказывающей о слепой девушке, прозревшей под воздействием любви. Идея любви в музыке Чайковского — это созидающее и очищающее начало, противопоставленное мертвенной силе «рока». Такая же освежающая, оздоровляющая, спасительная сила для героев Чайковского, истерзанных тяжкими жизненными невзгодами, — прекрасная русская природа. Подобно наиболее чутким русским живописцам-пейзажистам (Саврасов, Васильев, Левитан), Чайковский великолепно чувствовал прелесть русской национальной природы, то хмурой и печальной («Осенняя песня»), то освещенной ярким сиянием зимнего дня (симфония «Зимние грезы»).

И еще один мотив проходит через все творчество Чайковского: обращение к народу, его радостям, его здоровому веселью в поисках спасения от гнетущей тоски. «Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ, — пишет композитор в программе своей IV симфонии. — Веселись чужим весельем...»

Так возникают в музыке Чайковского ослепительные по красочности картины народного ликования, неудержимого праздничного пляса (первый фортепианный концерт, финалы I, II симфоний, скрипичного концерта), вселяющие бодрость и веру в жизнь, несущие спасение от внутренних горестей (IV, V симфонии).

Так выступает перед нами в музыке Чайковского широчайший круг образов русской действительности, воплощенный в звуках пером гениального реалиста.

И. НЕСТЬЕВ.

Первый спектакль

Едва ли есть более популярная опера, чем «Евгений Онегин». В афишах наших музыкальных театров названия опер Чайковского встречаются чаще, чем другие произведения. Прошлой осенью Большой театр Союза ССР отмечал восьмисотый спектакль «Евгения Онегина». Только в одном этом театре оперу «Евгений Онегин» слушало и видело полтора миллиона человек.

Мне выпала честь быть «первой Ольгой». Я была участницей первого спектакля «Евгения Онегина», и, несмотря на преклонный возраст, в памяти моей до сих пор сохранились мельчайшие подробности этой постановки.

...Осенью 1877 года, когда мы, ученики московской консерватории, с'ехались после летних каникул, нам сказали, что Петр Ильич, которого все боготворили, пишет специально для нашего ученического спектакля новую оперу. Я училась тогда на предпоследнем курсе по классу известного русского педагога-вокалиста А. Д. Александровой-Кочетовой. Велика была моя радость, когда я узнала, что мне поручена роль Ольги.

Чайковский писал своего «Онегина» не считаясь с силами неопытных и юных исполнителей. Он творил, повинуясь исключительно своему вдохновению и таланту. Опера была написана так, что и первоклассным певцам давалось нелегко.

Выдающийся музыкант, большой личный друг Петра Ильича Н. Г. Рубинштейн, взяв на себя постановку «Евгения Онегина», решил сделать ее достойной гения ее создателя. Он вложил в нее всю свою колоссальную энергию.

Вспоминается такой случай на одной из оркестровых репетиций. Перед сценой с письмом Татьяны в оркестре деревянные духовые инструменты ведут вступление синкопами. Ученики, игравшие в оркестре, никак не могли правильно сыграть эти синкопы. Два раза, сдерживая себя, Рубинштейн довольно спокойно заставлял повторять это место. Но когда в третий раз прозвучали те же ошибки, он быстро повернулся, сломал дирижерскую палочку и, швырнув ее, пронзительно закричал: «Дуйте вы в свои поганые дудки без всякого смысла! Стыдно, к следующей репетиции знать наизусть!»

На следующей репетиции это место прошло совершенно гладко. Наш предусмотрительный инспектор, однако, после этого случая для каждой репетиции стал класть на пюпитр две дирижерские палочки.

После почти полутора лет репетиций 16 и 17 марта 1879 года на сцене Малого театра был впервые показан «Евгений Онегин».

Спектакль прошел блестяще. Друг Чайковского — известный критик Кашкин вспоминает, что Чайковский, присутствовавший на премьере своей оперы, сказал ему: «Какое счастье, что здесь темно. Мне это так нравится, что я не могу удержаться от слез».

Вспоминая весь театральный путь «Евгения Онегина», начиная с нашей первой ученической постановки и до наших дней, я могу сказать, что была свидетельницей постепенного роста успеха оперы и повсеместного признания ее как гениальнейшего творения русского оперного искусства.

А. ЛЕВИЦКАЯ-АМФИТЕАТРОВА.

ДОРОГОЕ ИМЯ

В первый раз я услышал чарующие мелодии Чайковского в не совсем обычной обстановке. Это произошло в годы гражданской войны. Прямо с фронта империалистической войны я пошел добровольцем в Красную Армию. Когда мы наступали на Ростов, наш отряд посетила агитбригада. Не помню, какие в ней были артисты, но отчетливо помню, какое огромное впечатление произвела на меня ария Ленского. Концерт состоялся во время привала. Я подошел к певцу и спросил, кто сочинил такую чудесную музыку.

С тех памятных дней имя Петра Ильича Чайковского необычайно дорого мне. Много лет я живу в отдаленном районе, где нет театра, редко бывают концерты, но есть зато радио. Сколько раз я слушал трансляции опер и балетов Чайковского из Москвы. Какие радостные вечера провел у репродуктора. Я знаю на память много арий и романсов Чайковского.

А. КАЛАНОВ,
лейтенант милиции.

Село Верхнее Теплое,
Ворошиловградская область.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

Я не пропускаю ни одного концерта, в программе которого стоит имя Чайковского. Я люблю его музыку за удивительную доходчивость, за поэтичность, за богатство мелодий, за мягкий лиризм и вдохновенную силу. Мне кажется, что в произведениях Чайковского нет ни одного плохого такта. Все, что вышло из-под его пера, полно очарования. Но все же и у моего любимого композитора есть наиболее любимые мною произведения. Это — IV и VI симфонии и опера «Пиковая дама». Они будут вечно покорять сердца слушателей. Творчество Петра Ильича Чайковского — слава и гордость русского народа.

Мария КИРЕЕВСКАЯ,
студентка 5-го курса Московского нефтяного института.

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Имя Чайковского мне знакомо и дорого с самого раннего детства. Мать моя училась в Московской консерватории в те годы, когда Чайковский там преподавал. Я знала имена Бетховена, Шопена, многих других композиторов, но Чайковского я чувствовала особенно близким и «своим».

Подростком переехала я к отцу в Киев. Отец очень любил музыку, и у нас в доме постоянно бывали музыканты и певцы. Часто заходил к нам и великолепный тенор М. Е. Медведев, впоследствии один из лучших исполнителей роли Германа в «Пиковой даме».

В Киеве ставили «Евгения Онегина». По инициативе моего отца Чайковский по дороге из Каменки в Москву заехал в Киев и попал на представление «Онегина» в Киевском оперном театре. Партию Ленского пел Медведев и очень понравился Чайковскому. Публика, узнав, что в театре находится Чайковский, устроила ему восторженную овацию. Он без конца выходил на вызовы. Отчетливо помню его стройную, не очень высокую фигуру, серебристо-белые волосы и бородку и только чуть темные брови и усы. Я смотрела на него с затаенным восторгом...

Каково же было мое волнение, когда в антракте отец пришел за мной и сказал:

— Пойдем, я тебя представлю Чайковскому...

Сердце билось у меня, когда я подходила к нему. Отец сказал Чайковскому, что я пишу стихи. Он ласково положил мне руку на плечо и сказал своим мягким, баритонального тембра голосом:

— А, пишете, пишете — это хорошо!.. Вот, может быть, напишете мне слова для романсов.

У него была очень приятная манера говорить. Конечно, ему совсем было не интересно, что какая-то маленькая девочка пишет стихи. Но его ласковые слова и пожатие руки произвели на меня огромное впечатление. Я так смутилась тогда, что даже не нашлась, что сказать ему.

В следующем, 1890, году Чайковский снова приехал в Киев на постановку своей «Пиковой дамы». Я по болезни не была в театре, но отец опять виделся с ним, и тут можно оценить всю внимательность Петра Ильича к людям! Он спросил отца: «Как поживают стихи вашей дочки?» и прибавил: «Вы пришлите мне посмотреть — может быть подойдут. Я все ищу слова для романсов».

Я была поражена, когда отец рассказал мне это: целый год помнить о стихах какой-то девочки! Но послать свои стихи не решилась, они казались мне плохими. Мучительно завидовала я потом моему знакомому студенту, томному, белокурому юноше Дане Раттаузу, на слова которого Чайковский написал много романсов.

В это время у нас часто бывали артисты, и я жила в атмосфере рассказов о Чайковском, волнений и радости по поводу его успехов.

Все артисты особенно отмечали скромность и деликатность Чайковского, одинаково приветливого и с премьерами и с самыми незаметными хористами. Между прочим, уже много позже его брат мне рассказал забавный случай, приключившийся с Петром Ильичем во время какой-то поездки на пароходе. Чайковский очень не любил, когда его узнавали и чествовали. На пароходе его не узнали, и он несказанно был рад этому обстоятельству. Он спокойно общался с остальными спутниками, принимал участие в развлечениях и даже взялся аккомпанировать одной даме. Когда она исполняла какой-то его романс, он попробовал указать ей, что надо делать в таком-то месте, но она недовольно заметила:

— Уж позвольте мне-то знать, как это надо петь: я проходила этот романс с моей учительницей, а ей сам Чайковский показывал, как его исполнять.

Чайковский почтительно поклонился... и потом много смеялся, вспоминая этот эпизод.

Чайковский любил балеты и писал их с увлечением. Когда ему как-то сказал музыкальный критик Ларош, что некоторые смотрят на балет, как на зрелище «соблазнительное и безнравственное», он удивленно возразил:

— Балет — самое невинное, самое нравственное из всех искусств—отчего же на него всегда детей возят!

Популярность Чайковского постепенно переходила в славу. За границей исполнялись его произведения, в России публика, значительно опережая критику, признала в нем великого художника. Его новые произведения встречались с неизменным восторгом. Тем более неожиданной, нелепой показалась его трагическая, внезапная смерть. Вся, вся Россия плакала о нем. Не только те, кто знал его, но и чужие провожали его так, будто из их жизни ушло что-то невозвратное, бесконечно родное и близкое. Когда через десять дней после смерти исполнялась его лебединая песня — Шестая симфония,— плакали почти все в зале.

Чайковского давно нет на свете, но память о нем до сих пор жива, и с каждым годом его все больше и больше ценят и понимают.

Три имени связались у меня в один аккорд и живут для меня и сейчас в природе, в солнечном шелесте березовых рощ, в лунных ночах на берегу реки, в доносящихся издали звуках русской песни: Чайковский, Чехов, Левитан.

Жившие в эпоху русской реакции, этих грустных сумерек перед восходом великого солнца свободы, все они имеют нечто общее. Все трое овеяны мягким лиризмом, у всех троих одинаково глубоко скрыто трагическое восприятие действительности, и у всех троих живет в творчестве не менее глубокая, горячая вера в торжество русского народа, в его силу и мощь. Близорукая критика часто принимала их грусть за бессильное уныние, забывая, что они только делили тоску своего задавленного, угнетенного народа. И лишь теперь все поняли, как пророчески прекрасны и ясны для нас и говорящие о будущей красоте фразы Чехова, и золото в картинах Левитана, и мажорные звуки в симфониях Чайковского.

И теперь, может быть, они более живы, чем в те годы, когда жили и творили: вот оно — настоящее бессмертие, и его достойны все эти три великих художника.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК,
заслуж. деят. искусств.